

К 90-летию Герольда Бельгера

Ирина КОВАЛЁВА-БЕЛЬГЕР: «ТАКАЯ ВЫПАЛА СТЕЗЯ...»

28 октября исполнилось бы 90 лет знаменитому казахстанскому писателю и общественному деятелю Герольду Бельгеру. О его жизненном пути, о том, как проходил бельгеровский юбилейный год в Казахстане, о творческом наследии прозаика, эссеиста, переводчика, публициста с дочерью Герольда Карловича беседует поэт, редактор газеты «Новые земляки» Надежда Рунде.

– Ирина, могли бы Вы вспомнить, как начинался юбилейный год Вашего отца, известного писателя, переводчика, общественного деятеля Герольда Карловича Бельгера в Казахстане?

– Прежде всего, надо сказать, что начался год с совещания деятелей литературы и искусства у Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, предложившего отметить эту дату «широко и масштабно по разным направлениям». С огромной благодарностью мы восприняли эту новость. К слову, Президент Казахстана всегда относился к Герольду Карловичу с большим уважением, поздравлял его открытками с разными датами. Они сейчас хранятся в музейной комнате Национальной библиотеки Алматы. В целом работа по подготовке 90-летия Бельгера шла в течение всего года. Созданы музейные комнаты в нескольких городах, подключились разные издательства, пресса, учебные заведения, школы. К примеру, некоторое время назад в одном из институтов Казахстана появился урок «Бельгероведение». Проходит показ документальных

фильмов об отце, и снятых ранее, и нового, с большим успехом прошедшего в рамках цикла «Уникальный» на двух ведущих телеканалах республики. Интерес к творчеству и судьбе Бельгера только нарастает, многие поклонники, очень большой круг самых разных людей знают, помнят, чтят память и, что особенно важно, читают произведения Герольда Карловича Бельгера. Книг его практически не найти, всё, что появляется на книжных полках – расхватывается моментально. Даже трудно представить, сколько экземпляров его книг передано нами читателям в музейные комнаты, в библиотеки, в разные фонды. Ждут его слова, его мнений, его мыслей... И я всем повторяю: «Время Бельгера только начинается». Сам он говорил: «Ну, пройдёт год или два, меня и забудут». Будучи во многом пророком, в данном случае, к счастью, он оказался не прав.

– Что для Вас значит сохранение памяти о Герольде Карловиче Бельгере как для преемницы наследия выдающегося общественного деятеля и представителя трех литератур: немецкой, казахской и русской?

– Безусловно, многое значит. В первую очередь огромная благодарность всему казахскому народу за оценку его труда, за память, за верность. Спасибо всем, кто воплотил это в названии уже трех улиц по Казахстану, двух памятников, музейной комнаты в краеведческом музее в Энгельсе (чему отец сам был бы очень удивлен). Искренняя признательность всем издательствам и издателям, которые выпустили уже несколько книг после его ухода, и сейчас есть договоренность с несколькими из них о переиздании. Немецкий драматический театр Алматы, поставивший по рассказам Герольда Бельгера спектакль «Маленький король», 11 октября открывает им свой 45-й театральный сезон, на который приглашает почитателей творчества писателя. Сейчас я всячески помогаю театру в поиске материалов к новому спектаклю. Благодарна наша семья акимату Алматы и Фонду Альберта РАУ за мемориальную доску, установленную на доме 88 по улице Кабанбай батыра, где отец жил с 1976 по 2015 год. Задумываясь о том, как много сделано в Казахстане для увековечивания памяти об отце, я вновь убеждаюсь в истине, что труд, если он настоящий, не может не дать свои плоды, не может быть не оценен по достоинству. А Герольд Карлович был величайшим тружеником, достаточно назвать порядка 75 изданных его книг и более 4000 публикаций, множество переводов классиков и огромную общественную деятельность.

В свое время, будучи депутатом Верховного Совета Казахстана по Павлодарской области, он, в февральскую стужу 1994 года, объездил тринадцать районов, выступал со своей программой, встречался со множеством людей, окунулся в новую для него среду, многим помог в решении разных вопросов и считал это выражением своей гражданской позиции. Так же, как и свою борьбу за немецкую автономию. Чего стоят только его письма-обращения по этому вопросу – Андропову, Горбачеву, Ельцину... Огромной болью и душевной раной осталось для него несостоявшееся решение этого вопроса. Я была свидетелем его выступлений на разных съездах, которые проходили в Москве. Его горячих споров, эмоций! Он был тогда другим – далеко не тихим «кабинетным» человеком. Мощным, громким, уверенным, нервным, даже отчаянным в своей правоте. Я слушала однажды аудиозапись его выступления на площади в Павлодарской области – была потрясена его ораторским искусством! Ну а потом, в дальнейшем, уже в новом веке его гражданская позиция мощно звучала в его публицистических эссе «Плетенье чепухи».

А раньше с его именем была связана целая эпоха становления и развития немецкого национального движения «Возрождение», расцвет культурного наследия российских немцев. Благодаря его редакторству в журнале «Феникс»

многие имена известнейших литераторов, поэтов зазвучали с новой силой, благодаря огромной дружественной переписке с ними. А сколько было открытий молодых имен! Отец очень гордился этим! Он был ветераном немецкого движения еще задолго до юбилеев Немецкого дома в Алматы и мощной общественной организации «Видергебурт». Всё это нашло отражение в его романах, повестях, рассказах, статьях, письмах, заявлениях в разные инстанции. Это были судьбоносные, знаменательные, порой драматические этапы общей с немецким народом национальной судьбы.

– Как часто Вы бываете в

Алматы? И чем там бывают заняты Ваши дни?

– Настолько часто, что гораздо чаще, чем в московском метро. Там ведь мама, ей уже 87, и, несмотря на постоянную помощь и поддержку живущих там родных, маму надо навещать, заниматься домом, разными хозяйственными делами – их много. Меня часто спрашивают, почему я не заберу её в Москву. На это нет её желания, во-первых, она алмаатинка с рождения, а кроме того – могила папы, а это не просто могила, это практически комплекс, за которым требуется уход, особенно летом. В Алматы похоронены и её родные, но главное – чего отец и предположить не мог – это то, что теперь там он держит её сам. Огромное количество дел, контактов, взаимоотношений с разными учреждениями и людьми, – установка памятников, наименование улиц, встречи с читателями – как всё это можно оставить? А мне дается как гражданке России всего 29 дней без регистрации, и свою семью в Москве не могу оставить на большее время. Вот всеми архивными делами и занимаюсь – иногда до изнеможения. Их несметное количество – это экземпляры книг, блокноты, папки, рукописи, дневники, письма – титаническое наследие. По-хорошему – это работа целого отдела аспирантов, офис-менеджеров. Ну и разные встречи, выступления, конференции – эти 29 дней пролетают стремительно и в очень динамичном темпе.

– Могли бы Вы рассказать какие-то эпизоды из вашего детства? Каким был Ваш отец?

– Некоторое время назад вышел фильм с моим участием под названием «Всё о моём Отце», я говорю там часа полтора. Он есть в Ютубе. Очень меня смутило поначалу вот это – «Всё». Рассказать о моём отце «всё» просто невозможно. Моё детство описано в разных его рассказах – к примеру, в произведении «Марина, Пупсик и я», посвященном мне. В нем столько нежных, трогательных, пронзительных воспоминаний! Отец часто приезжал в Северный Казахстан, где я родилась и воспитывалась там у бабушки и дедушки. Это были мои самые счастливые дни. Они с мамой работали тогда в Байкадаме. Учителемствовали. Он учил меня читать. Про это у него написаны такие тонкие, душевные истории! Они на уровне вдоха, вздоха – это невозможно выразить словами! Полные юмора, забавные, лирические.

1 сентября, уже в Алма-Ате, я стояла, первоклашкой, рядом с учителями и из газеты, как профессиональный диктор, читала обращение к детям от Правительства. Вот так он меня научил читать. Мы копались в огромном шкафу, в

сарая деда, перебирая «Мурзилки», «Весёлые картинки», «Огоньки», позже отец постоянно покупал мне детскую литературу. Он прививал мне вкус к хорошей, доброй литературе и завидовал тому, что я имею возможность читать разных авторов, а в его детстве – депортированного мальчишки – были только медицинские талмуды отца. Зимой он катал меня на санках по огромным казахстанским сугробам, мы много говорили, обсуждали, и он обещал мне «Коммунизм». Каждое утро я первым делом неслась к нему в комнату, чтобы спросить: «А уже наступил Коммунизм?» Увы, коммунизм не наступил, но во всём остальном он с честью выполнил свой отцовский долг. Воспитывал меня, как «стойкого оловянного солдатика», без сюсюканья, всегда в меру строго, в меру справедливо, уважительно. К моему мнению отец всегда относился как к мнению взрослого человека. В подростковом возрасте я пару раз бунтовала, мне не хватало его самого. Но он в ту пору усиленно работал, пытаюсь содержать семью, переводил классиков казахской литературы, с которыми работать было очень непросто. Я этого раньше не понимала. Будучи уже взрослым человеком, прошедшим большую жизнь в документальном, а потом и в художественном кино, осознала: не будь у меня этой его закалки, его воспитания, не смогла бы я оказаться в этом жестком мире кинематографа и не прошла бы разные жизненные испытания, которых и мне не удалось избежать.

– Какая из книг Вашего отца особенно вам дорога?

– У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. В разные периоды жизни или в применении к какому-то конкретному мероприятию я перечитываю то рассказы, то романы, то повести, а по большей части его личные дневники, которые, я надеюсь, еще увидят свет. А бывает, я читаю не его произведения, а то, что очень нравилось ему самому, пытаюсь понять, что его так в чужих вещах «цепляло». Бывает, читаю просто какую-то его рукопись. И она меня возторгает, удивляет, заставляет сопереживать. В этом году с редакцией журнала «Простор» печатаем из номера в номер не публиковавшуюся рукопись отца, которую он сам назвал – «Мимоходом». В неё вошли отрывки-обрывки, заметки на полях, раздумья, воспоминания, миниатюры. Вот буквально недавно попадаете мне из этого цикла вещь под названием «Боюсь...» О страхах, которые ему довелось пережить: депортация, репрессии, комендатура, МВД, КГБ, страх, что заберут отца в трудармию, что выгонят из школы, из пионеров, не дадут паспорта, исключат из института за то, что ты – спецпереселенец, и это было с ним и в 53-м, и в 54-м годах. Было и такое, выгоняли... А дальше страх бесконечных ограничений, бездомья, безденежья, социальной ущемленности, обострения болезней. А в 1994 году, накануне своего 60-летия, когда он был уже депутатом Верховного Совета Казахстана, ему прислали из областного архива Петропавловска справку о реабилитации. Представляете? Только в 1994-м! А свободу духа, вкус вольности он испытал впервые в 1988 году, проведя десять счастливых дней во Франции, в Париже, в составе казахстанской делегации в Дни литературы и искусства. И в этот же год стал дедушкой. Вот это потрясло меня – и написано с такой болью, так проникновенно! Практически всю жизнь эта боязнь-тревога гнездилась в его душе.

В самолете недавно перечитывала его очень давнюю вещь – из 70-х годов, «Там, в долине». Просто сразило! На фоне разных событий немецкой семьи, оказавшейся в Казахстане, он делится своими философскими размышлениями о месте человека на этой Земле. И сам не может ответить себе на вопрос – а где же его Эль? Что считать его истинной Родиной – село Мангейм под Энгельсом, где он родился? Россию? Северный Казахстан, где прошло его детство и становление?.. Или Алматы, город, в котором он прожил более шестидесяти

лет? Будучи уже довольно взрослым человеком, он так и не смог понять, где его место в этом мире. Так и не смог до конца жизни ответить себе на этот вопрос. И там у него есть фраза – «Пилигрим под дырявым зонтиком». Просто пронзительно! Потрясающее название для книги! Совершенно точное определение его собственной судьбы. Вот так он себя и ощущал:

«Были разные сложные этапы и злоключения в моей жизни, но чувство генетической причастности к инобытию не покидало меня никогда. Более того, я всегда, даже с некоторым вызовом, нередко во вред себе, подчеркивал свою немецкость, хотя и плыл на зыбкой лодчонке в океане казахской словесности. Я писал по-русски и по-казахски, а тосковал по всему немецкому. В одном из своих бесчисленных интервью я сказал, что печалюсь по-русски, радуюсь по-казахски, скорблю и плачу по-немецки. Так сложилась моя судьба. И по этой стезе бреду под дырявым зонтиком и поныне, как старый дервиш – пилигрим».

Уникальность судьбы и личности Герольда Карловича – в трех струнах его души, в триединстве языков, ментальности, культур. Знаменитое его: «Речь немецкая, речь казахская, речь русская – как мелодия трех струн, три струны моей души, три круга моей жизни. Такая выпала стезя...» Эти строчки мы попросили скульпторов выбить на стеле у его могилы, а книгу, написанную о нем Владимиром Ауманом, так и назвали «Такая выпала стезя...» И всё же... в поисках своего места на Земле, он, я думаю, особенно с возрастом, вполне определился. Среди разных его произведений часто встречаются подобные строки: «Казахстан. Родной, родимый край многоязыких племен. “Мой” говорит о нем два миллиона граждан немецкой национальности, “Мой”, “Моя”, “Мы” – гордо звучит в многоголосице единого хора. Моя Родина. Неизбывная. Вечная. Как человек. Как любовь. Как жизнь» (1986 год).

Так сложилось, что он не оставил никакого завещания, но в дневниковых записях была просьба к Правительству – найти для него скромный уголок на мусульманском кладбище Кенсай, упокоить его рядом с друзьями, на аллее писателей, на казахской земле. Так оно и получилось... В городе его любви, дивном уголке земли, жемчужине независимого государства. Кладбище Кенсай высоко в горах, а внизу тот самый город, которому он отдал 60 лет своей жизни, и где он, наконец, обрел свой покой, нашел свой причал... и нет больше в руках дырявого зонтика, а есть память и любовь к нему миллионов казахстанских сердец.

Человеком он был очень глубоким, ранимым, тонким, не очень весёлым, хотя и с большим юмором, про его юмор ходят легенды, фразы гуляют в народе, но в душе, несмотря на огромную к нему любовь и заботу родных, всё же глубоко одиноким. Мне очень нравятся его детские рассказы, вот недавно издали книгу под названием «Волк, Чапа и другие» при финансовой поддержке Германии. Самое любимое – «Земляника степная», о его детстве в казахском ауле. Ну и то, что я просто физически не могу никак дочитать до конца – это роман «Зов». Трагическая история его однокурсницы, судьба которой так до сих пор и неизвестна, его бесконечные «вызовы» в КГБ, и всё это перемежается документами о депортации, Указами, списками погибших в лагерях, в трудармии. Очень-очень тяжелый роман. Просто обливаешься слезами... Сейчас немецкий театр в Алматы ищет, из каких произведений Бельгера написать пьесу, чтобы поставить новый спектакль. Вот я посоветовала им поставить по роману «Зов». И очень-очень давно мечтаю найти финансирование и режиссера для постановки художественного фильма по повести «За шестью перевалами». Всё мне в его творчестве близко и дорого сердцу.

– Друзья Герольда Карловича Бельгера – это цвет казахстанской интеллигенции и самое богатое наследие, которое по праву перешло и к Вам. Насколько рядом они с Вами в нынешнее время?

– Да, это так. По праву ли – это другой вопрос... В 2015 году, когда отца не стало, во время похорон ко мне и всем родным с соболезнованиями подходили люди, чьи имена были для меня легендой. Конечно, многих я знала, о многих мне говорил папа... Похороны в театре имени Мухтара Ауэзова были чем-то невероятным, мы никак не могли предположить такое количество людей на прощании... Фраза, сказанная там большим другом и знатоком творчества Бельгера, его судьбы – Муратом Мухтаровичем Ауэзовым, стала таким мощным аккордом, такой великой данью его жизни: «С тобой пришел проститься воспитанный тобою же народ», а отца он называл «Человеком-мессией».

И я думала: ох, если бы мог знать бедный юноша – немец-«спецпереселенец» из далёкого казахского аула, высланный туда со своей исторической волжской родины со всей семьей, жаждущий знаний, которого не допускали даже к поступлению в институт, обивающий пороги деканатов, спящий на алма-атинских лавочках в сквере у общежития, что через много лет ему будут ставить памятник в центре города, в облюбованном им сквере, где раньше шли к нему люди – кто за советом, кто книгу свою подарить, кто поговорить... Вот и тогда шли и шли люди, и ограничения им нипочём, и расходиться никому не хотелось...

В том же году всё в моей жизни сместилось в сторону Казахстана, Алматы. Я оставила тогда «за кадром» всю свою бурную кинематографическую жизнь, захлопнула, как закрытую книгу, и погрузилась в папины дела. Подобно геологу, стала раскапывать его архивы, как ценнейшие камни и алмазы. Конечно, появилось много контактов, связей, адресная книга тогда и Ватсапп сейчас увеличилось телефонными номерами в разы. Вообще вот уже 38 лет моя фамилия по мужу Ковалёва, но в Алматы она никому ни о чем не говорит, и я называю себя там по своей девичьей фамилии – Бельгер, и это уже звучит как кодовое слово. Мне улыбаются незнакомые люди, старики, хлопая по плечу, обнимают: «Айналайын». Я там для них как дочь... дела решаются, в гости зовут, никому нет дела – из России я или откуда-то еще приезжаю – подарками заваливают, столько любви и тепла передано мне по наследству! Друзья папы стали моими друзьями, его знакомые – моими знакомыми, его деловые контакты тоже перешли ко мне. Только очень горько, что вслед за ним многие покинули этот мир, ведь, как правило, это были люди в возрасте. Я очень дружу с маминими соседями по дому, они там живут вообще как коммуна, стали как абсолютно родные. Но в жизни не бывает так уж всё гладко. Есть и те, кто меня побаивается, из разряда журналистов, по большей части. Да, я требую, корректирую, ставлю исправить, прочесть, вдуматься. Спорю, ругаюсь, отстаиваю позиции, иногда невзирая на должности и авторитеты. Не понимаю тех, кто, зная, что идут брать интервью про немца, дотошно до каждой запятой, для кого само понятие «слово» значило так много, приходят неподготовленными, с плоскими, кондовыми вопросами, потом читаешь небрежные, корявые тексты, с путаницей в датах, фамилиях. Иногда так же бывает с фильмами или «творческими» встречами. С теми, кто задает мне первый же вопрос: «А почему Бельгер, как и многие, не уехал в Германию?», я прощаюсь сразу же. И всем привожу как девиз в пример слова профессора Сагымбая Козыбаева, тоже друга отца, из его воспоминаний о нём с названием «Дорога к Бельгеру»: «Дорога к Бельгеру светла и возвышенна. Нежна и осмысленна. Для кого-то и кому-то – крута и извилиста. Дорого сия дорога стоит...» Да я и сама пытаюсь по ней идти. Благодарю всех, кому имя моего отца столь дорого и поныне.

Я МОЛЮСЬ...

Ранним утром и поздней ночью я молюсь за сына, за свою мать, родных и близких. За отца своего и деда, перенесших самое страшное – депортацию... Но не озлобившихся, не павших духом, сумевших землю чужеродную принять и полюбить как родную, свою, себе созвучную. И слу-

жить верой и правдой народу, их приютившему, обогревшему, воспитавшему. Я молюсь за деда и мечтаю увидеть его еще и еще – столь же бодрым, деятельным, порывистым, верным долгу и чести.

Я молюсь за отца: за здоровье его, за силы, которые он, будучи человеком разумным и целомудренным, так безрассудно не бережет, когда речь идет о его творчестве.

Я молюсь за себя и прошу Господа – наделить меня той же мудростью, несутностью и немелочностью, терпением, трудолюбием, любознательностью и работоспособностью. Научи меня, Боже, той же обстоятельности, честности и аккуратности, ясности во всём, благородству и достоинству, научи меня отделять мнимые ценности от истинных, зерна от плевел, так, как умеет это он. Дай, Боже, чтобы хоть иногда мелькали бы и во мне искры его таланта, его вдохновения! Дай Бог всегда иметь ДЕЛО, как имеет его он. Научи, Боже, не терять ни секунды своего времени на праздность, на ненужную болтовню. Дай Бог мне сына своего научить так же любить свой язык, слово, книгу, как учил любить меня он, той же вдумчивости и тяге к познанию. Дай Бог воспитать в нём такое же уважение, почитание, верность и трепетную нежность к родителям, своим родным. Дай Бог научить его так знать и помнить свои корни, своих предков, свой край, как знает и помнит мой отец.

Раньше отца часто называли хорошим и совсем забытым словом – интернационалист. Увы, теперь это слово не слышится совсем. Нас разделили на разные части света, разные государства – границами, таможенными, валютами, законами – писаными и неписаными, президентами... Но неделимы мы, неделимы, чтобы не придумали на наши бедные головы! Ибо у нас своя страна, свое государство, именуемое СЕМЬЕЙ, и вот её-то у нас никто и никогда не отнимет.

Я поздравляю тебя, папа!

(Фрагмент закадрового текста к фильму «Бельгер» режиссера Виктора Климова, поздравление дочери с 65-летием отца)